

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

Оригинальная статья / Original paper

doi:10.17853/1994-5639-2026-7-171-201

Формирование патриотической самоидентификации российской молодежи: роль университетов и городской социокультурной среды

М.В. Певная¹, Д.В. Городецкая², Е.И. Початкова³

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация.

E-mail: ¹m.v.pevnaya@urfu.ru; ²d.v.minchenko@urfu.ru; ³e.i.pochatkova@urfu.ru

Г.Д. Джунушалиева

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызская Республика.

E-mail: dzun5gulmera@gmail.com

✉ m.v.pevnaya@urfu.ru

Аннотация. Введение. В сохранении устойчивости любого государства к внешнеполитическим вызовам важное место занимает формирование культуры гражданственности молодежи. Свободный доступ к информации, публичная дискуссионность приводят к фрагментации исторической памяти, трансформации патриотизма. Исследование посвящено оценке влияния образовательной среды и городского социального пространства на патриотическую самоидентификацию студентов как одного из важнейших результатов воспитательной деятельности в вузах. Цель – критически оценить то, как образовательная среда и городское социокультурное пространство влияют на патриотическое сознание молодежи, выявив наиболее эффективные для формирования патриотической самоидентификации студенчества организационно-структурные решения. Методология, методы и методики. В статье анализируются данные V волны всероссийского исследования «Студенчество о Великой Отечественной войне» (2025; гнездовая выборка, включающая в себя элементы случайного отбора, $n = 19232$). Опрошены студенты 82 вузов из 29 городов РФ. Результаты. Установлено, что патриотическая самоидентификация присуща большинству российских студентов, тогда как 18 % не идентифицируют себя как патриоты. В структуре смыслового определения патриотизма в сознании молодежи доминируют эмоциональная и когнитивные компоненты. У студентов, считающих себя патриотами, деятельностная компонента более выражена. На патриотическую самоидентификацию студентов более сильное влияние оказывают организационно-структурные решения образовательной среды. Городская среда оказывает влияние при условии вовлеченности студентов в массовые коммеморативные практики, связанные с мемориальными городскими пространствами, памятниками и знаковыми событиями. Научная новизна. Исследова-

ние расширяет социологическую теорию групповой национальной самоидентификации не только в контексте оценки восприятия субъектом смысловых характеристик патриотизма как чувства, знаний и конкретных деятельностных аспектов, но и с позиции выявления внешних факторов социализации, влияющих на это восприятие. *Практическая значимость.* Исследовательские выводы могут быть полезны для совершенствования организации воспитательной деятельности в образовательных учреждениях с целью повышения ее результативности. Данные могут быть востребованы специалистами по социальной работе с молодежью, преподавателями, исследователями молодежи и образования.

Ключевые слова: гражданственность, патриотическая самоидентификация, высшее образование, воспитательная деятельность, городская социокультурная среда, студенчество

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00900, <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>).

Для цитирования: Певная М.В., Городецкая Д.В., Початкова Е.И., Джунушалиева Г.Д. Формирование патриотической самоидентификации российской молодежи: роль университетов и городской социокультурной среды. *Образование и наука*. 2026;28(7):171–201. doi:10.17853/1994-5639-2026-7-171-201

The formation of patriotic self-identification among Russian youth: the role of universities and the urban sociocultural environment

M.V. Pevnaya¹, D.V. Gorodetskaya², E.I. Pochatkova³

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

E-mail: ¹m.v.pevnaya@urfu.ru; ²d.v.minchenko@urfu.ru; ³e.i.pochatkova@urfu.ru

G.D. Dzhunushalieva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic.

E-mail: dzun5gulmera@gmail.com

✉ m.v.pevnaya@urfu.ru

Abstract. *Introduction.* In preserving the stability of any state when confronted with foreign policy challenges, the formation of a culture of citizenship among young people plays a crucial role. Free access to information and public debate can lead to the fragmentation of historical memory and the transformation of patriotism. This study is dedicated to assessing the influence of the educational environment and urban social space on students' patriotic self-identification, regarded as one of the most significant outcomes of educational efforts in higher education institutions. *Aim.* The present study aims to critically evaluate how the educational environment and the urban sociocultural context influence the patriotic consciousness of young people, identifying the organisational and structural solutions most effective in shaping students' patriotic self-identification. *Methodology and research methods.* The article analyses data from the fifth wave of the nationwide study "Russian Students on the Great Patriotic War" (2025; cluster sampling incorporating elements of random selection, $n = 19,232$). Students from 82 universities across 29 cities in the Russian Federation were surveyed. *Results.* It has been established that patriotic self-identification is characteristic of the majority of Russian students, while 18% do not consider themselves patriots. Within the semantic framework of patriotism in young people's consciousness, emotional

and cognitive components predominate. Among students who identify as patriots, the activity-based component is more pronounced. Students' patriotic self-identification is more strongly influenced by the organisational and structural aspects of the educational environment. The urban environment also exerts an influence when students participate in mass commemorative practices associated with memorial urban spaces, monuments, and landmark events. *Scientific novelty.* The study expands the sociological theory of group national self-identification by examining not only the subject's perception of the semantic characteristics of patriotism – as a feeling, a body of knowledge, and specific activities – but also by identifying the external socialisation factors that influence this perception. *Practical significance.* The research findings may prove useful in enhancing the organisation of educational activities within institutions, with the aim of increasing their effectiveness. The data could be of interest to specialists in youth social work, educators, and researchers specialising in youth and education.

Keywords: citizenship, patriotic self-identification, higher education, educational work, urban sociocultural environment, student youth

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00900, <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>).

For citation: Pevnaya M.V., Gorodetskaya D.V., Pochatkova E.I., Dzhunushalieva G.D. The formation of patriotic self-identification among Russian youth: the role of universities and the urban sociocultural environment. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2026;28(7):171–201. doi:10.17853/1994-5639-2026-7-171-201

Введение

Государственная политика Российской Федерации определяет патриотизм как значимый фактор консолидации российского общества, фундамент национальной безопасности. В стратегических документах и публичных выступлениях главы государства акцентируется необходимость формирования у граждан, и прежде всего у молодежи, чувства сопричастности к судьбе Отечества, уважения к его истории и традициям. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации зафиксировано, что укрепление государственности и суверенитета, равно как и развитие демократического устройства нашей страны, зависит от сформированности патриотического самосознания граждан¹.

Сконцентрированность государственного курса на воспитании патриотично настроенной и социально ответственной личности приносит свои плоды. ВЦИОМ заявляет, что «уровень патриотизма в российском обществе высок как никогда»². По данным Центра, доля россиян, считающих себя патриотами, в 2024 году составила 94 %, что является максимумом за всю историю наблюдений³. Результаты опроса 2025 года свидетельствуют о сохранении рекордных значений – 93 % опрошенных причисляют себя к патриотам⁴. Однако, если среди населения в целом доля безусловных патриотов составляет 59 %, то сре-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 27.04.2026).

² Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 27.04.2026).

³ Там же.

⁴ Режим доступа: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/fdd18fa2-4604-4f59-abf447d1a3ca5895/cross/1af6f299-303a-4fc3-b9e9-ba35c93afa67> (дата обращения: 27.04.2026).

ди молодежи 18–24 лет она достигает только 46 %. А в группе 25–34 лет – уже 54 %, что заметно ниже показателей среди более старших возрастных групп (60–65 %)¹.

Ответом на этот вызов становится преобразование системы высшего и среднего профессионального образования. В последние годы наблюдается сдвиг образовательной парадигмы от рыночной модели «оказания образовательных услуг» к отечественным традициям просвещения и воспитания. Данный курс был обозначен уже в 2020 году, когда поправки в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обязали включить воспитательную работу в учебные планы. Тем самым восстанавливалась субъектность университетов и колледжей как центров духовно-нравственного развития личности². Затем поэтапно начал происходить отказ от утилитарного подхода, где студент рассматривался лишь как потребитель, в пользу модели наставничества.

Трансформация воспитательной деятельности в российских учебных заведениях во многом определяется в положениях Указа Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809, выделяющих имманентность воспитания в структуре государственной политики в области образования и культуры³. Воспитательная деятельность постепенно стала неотъемлемой частью основных профессиональных образовательных программ и федерального образовательного стандарта⁴. Следуя заданной логике в системе высшего образования в качестве одной из ведущих задач реализации воспитательного процесса артикулируется формирование у студенческой молодежи высокого уровня гражданственности и патриотизма⁵. В этой связи особенно важным видится повсеместное включение специализированной дисциплины «Основы российской государственности» в социально-гуманитарное ядро высшего образования для всех направлений подготовки⁶. Одновременно в высшей школе поэтапно внедряется педагогический подход «Обучение служением». Некогда новаторский, сегодня он прочно вошел в образовательную практику и академическую культуру большинства российских вузов. Хотя готовность к общественному служению у студентов разных направлений и программ неодинакова, сохраняется тренд на популяризацию этого подхода. Расширяется вариативность данной практики в общеобразовательных учреждениях и системе СПО [1].

¹ Режим доступа: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/fdd18fa2-4604-4f59-abf447d1a3ca5895/cross/1af6f299-303a-4fc3-b9e9-ba35c93afa67> (дата обращения: 27.04.2026).

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ по вопросам воспитания обучающихся» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/ (дата обращения: 27.04.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 27.04.2026).

⁴ Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408524437/> (дата обращения: 27.04.2026).

⁵ Там же.

⁶ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Режим доступа: <https://fgosvo.ru/news/view/8886> (дата обращения: 27.04.2026).

Вместе с тем воспитательное воздействие на студенчество выходит за пределы образовательной среды, органично вписываясь в повседневность молодых людей, формируя у них устойчивые социальные паттерны через участие во множестве тематических событий и социальных практик. В комплексе мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в РФ до 2028 года особое внимание уделяется тематической событийной повестке – всероссийским мероприятиям, конкурсам и проектам военно-патриотической направленности¹. Определенное влияние оказывает и символическое пространство городской среды, транслирующей исторические нарративы и фрагменты коллективной памяти [2]. В исследуемом контексте взаимосвязь между целенаправленно формируемой образовательной средой воспитания студенчества и событийной повесткой, насыщенной коммеморативными практиками, детально ранее не анализировалась учеными. В этой связи закономерно обращение к изучению соотношения обозначенных характеристик среды с патриотической самоидентификацией студенчества. Важно и понимание того, как современные студенты оценивают этот процесс, как объясняют и какими смыслами наполняют.

В молодежных исследованиях, как правило, анализируемое поколение ученые характеризуют как «текущее», поскольку на смену одним представителям данной социально-демографической группы приходят другие, имеющие уже собственные характеристики, убеждения и социальные настроения. Молодежь особенно восприимчива к экономическим, социальным и политическим переменам, сознание молодых людей достаточно противоречиво и особенно подвержено внешнему влиянию. При условии научной интерпретации патриотизма в единстве эмоционального, знаниевого и действенного компонентов данного феномена, значима его главная цель – патриотическая самоидентификация молодого человека как социального субъекта. В его сознании любовь к Родине и уважение к прошлому своей страны должны выходить за границы идеологического контекста и сопрягаться с интенцией к сохранению этих чувств и знаний через определенные действия. Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи – это динамичный и многослойный социально-психологический процесс. Его формирование происходит в условиях ценностного плюрализма, где патриотизм и гражданственность не отменяют глобальную ориентацию молодого поколения, а вступают с ней в диалог. В связи с этим формирование патриотической самоидентификации в социальном пространстве не может быть сведено к трансляции идеологем. Эффективность этого процесса зависит от способности институтов социализации интегрировать патриотический нарратив в эмоционально значимые для молодого человека контексты – семейную историю, связь с малой Родиной, местом своего проживания.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года». Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-23102025-n-2970-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 27.04.2026).

Таким образом, целью данной статьи является определение характера влияния образовательной среды и социокультурного городского пространства как факторов формирования патриотической самоидентификации студенческой молодежи, а также выявление причин противоречия между самоидентификацией и реальными установками патриотического сознания у определенной части молодежного сообщества. В исследовании предпринят опыт верификации предположения о том, оба фактора влияют на формирование патриотической самоидентификации, однако воздействие образовательной среды является более значимым.

Ввиду вышеизложенного в основе теоретического контекста реализованного и представленного в статье исследования оказываются следующие аналитические вопросы: 1) как различается смысловое наполнение патриотизма среди студентов, относящих себя к патриотам и нет? 2) каковы отличия в привычных формах празднования Дня Победы среди этих двух категорий молодежи? 3) какие факторы городского пространства особенно значимы в контексте формирования патриотического сознания студенчества? 4) как оценивается учащимися российских вузов опыт патриотического воспитания в образовательных учреждениях?

Поиск ответов на эти вопросы позволяет концептуально оценить, в какой мере университетская образовательная среда и городское социокультурное пространство влияют на становление патриотической самоидентификации современной российской молодежи, и выявить, какие организационно-структурные решения оказываются наиболее эффективными в этом отношении. В практическом плане ответ на данный вопрос важен для совершенствования воспитательной работы в учреждениях высшего образования, что сопряжено с поиском и пониманием тех условий, которые дают наилучший результат при развитии патриотической самоидентификации студенчества.

Обзор литературы

Формирование патриотической самоидентификации молодежи в целом и студенчества в частности в теоретическом и практическом ракурсах затрагивает научные исследования гражданственности и ее компонентов. К последним относятся и патриотизм, патриотическое молодежное сознание и среда его конструирования, а также связи воспитательной деятельности вузов и транслирующихся в городских социокультурных пространствах символических смыслов.

Гражданственность интегрирует в себя «производимые в повседневной жизни представления о гражданстве», включая способы его реализации и/или практики гражданского участия, отождествленные с социальным [3] или политическим участием [4]. В социологических исследованиях доказывается взаимосвязь между гражданственностью, патриотизмом молодежи и уровнем ее просоциальной активности, направленной на общественное развитие [5]. При условии, что современные страны, включая Россию, признают необходимость

взращивания «гражданского самосознания», гражданственность молодежи связывается с умением действовать во благо своего (со)общества [6]. В этой же логике в рамках молодежной политики РФ в качестве ключевой характеристики гражданственности определена именно та идентичность, которая сопряжена как с локальной принадлежностью, так и с патриотизмом [7].

Патриотизм может рассматриваться как часть гражданственности, ее ведущая компонента и лейтмотив. В части политического сознания патриотизм выступает в роли ценностной установки, которая воздействует на специфические формы общественных отношений по поддержке и защите тех политических институтов, которые отражают интересы граждан [8]. Понятие «патриотизм» охватывает широкий спектр трактовок от любви к Родине и осознания своей причастности к судьбе страны до социальной ценности и просоциальных действий [9]. В литературе описывается трансформация репрезентаций патриотизма в молодежной среде. Намечившиеся изменения связываются с преобладанием права любить Родину и сокращением ассоциаций с обязанностью и долгом каждого гражданина перед Отечеством [10]. Признавая факт существования различных подходов к наделению смысловыми характеристиками феномена патриотизма, мы обращаем особое внимание на выделенную взаимосвязь данного феномена с гражданской, локальной, национальной и государственной идентичностью [11].

Особый интерес представляет и анализ государственного и «низового» – повседневного патриотизма, его типология. Первый тип фокусируется на ценностях любви к Родине, семье, народу, уважении к государственным символам, сохранении исторической памяти и гордости за достижения страны. Во втором случае патриотизм проявляется в рутинных практиках, может реализовываться в социальных сетях и мессенджерах, отражая запрос «медианного гражданина» на сокращение социального неравенства и социальных дистанций [12]. Последняя характеристика, на наш взгляд, соответствует особенностям молодежи как сетевого поколения. Для нашего исследования важно понимание деятельностного или конструктивного (constructive) патриотизма, отражающего определенную эмоциональную связь человека с Родиной. Его внутренняя природа сочетает любовь к своей стране с готовностью идентифицировать реально существующие проблемы и участвовать в их решении через практики политического или неполитического участия ради изменения ситуации в лучшую сторону [13; 14]. В общей структуре патриотизма выделяются потребностно-мотивационный, интеллектуально-чувственный, поведенческий и волевой компоненты, охватывающие широкий спектр проявлений патриотизма во внутренней и внешней по отношению к субъекту средах [10].

Патриотизм в качестве ощущения принадлежности к стране через развитие гражданственности и патриотическое воспитание граждан выступает основой для дизайна национального самосознания [15]. В этой области доказываемся наличие связи между изучением истории своей страны, ее героического прошлого и формированием чувства гордости за государство в обществе. По

мнению Е. М. Харитоновой с соавт., в диалектическое взаимодействие вступает патриотически ориентированное управленческое воздействие и память о переломных моментах в судьбе народа, охраняемая публичными институтами [16].

Патриотическое воспитание молодежи укореняется в образовательной среде [17], где происходит ретрансляция патриотически ориентированных знаний и формирование наиболее важных гражданских навыков [18]. Сам образовательный процесс содействует формированию молодежного сознания в духе патриотических ценностей [19]. Это становится возможным благодаря активному вовлечению сотрудников образовательных учреждений и использованию различных форм работы. Среди последних выделим просмотр исторических фильмов, посещение краеведческих музеев, изучение истории региона [20], образовательный туризм по исторически значимым местам [21], а также разработка и внедрение специальных курсов, направленных на формирование системы ценностей, соответствующих государственной политике [22]. Патриотический дискурс воспитательной деятельности в высшей школе требует взаимной заинтересованности педагогов и обучающихся, а также учета запросов различных групп студенческой молодежи [23; 24]. В контексте патриотического информирования студентов вузов особую роль играют как непосредственное межличностное взаимодействие с преподавателями и одноклассниками, так и опосредованные виртуальные каналы связи [25]. В этой связи в эпоху цифровой трансформации медиасреды онлайн контент становится мощным фактором, определяющим мировоззренческие установки и модели социального поведения молодежи [26]. При этом фундаментальное значение в патриотическом воспитании имеет распространение среди молодого поколения достоверных сведений об истории страны с обращением к настоящему и конструированию общего желаемого будущего. В отношении построения образа будущего России выделяется существенный запрос молодежи на перемены и наращивание субъектности в поле определения идейно-политических трендов [27].

Результатирующая цель патриотического воспитания – развитие и становление человека как гражданина и патриота своего государства. Степень формирования патриотизма определяется через патриотическую самоидентификацию, которая воплощает сохранение или приумножение исторической памяти как капитала, передаваемого от поколения к поколению [10]. Патриотическая самоидентификация в качестве элемента патриотического сознания отражает взаимосвязь истории, места и сообщества. Ее влияние сказывается на эмоциональной и поведенческой компонентах гражданственности, характеризует степень вовлеченности молодежи в общественно полезную активность, определяет отношение к своему месту проживания [11].

Патриотическая самоидентификация молодежи во многом складывается под воздействием коммеморативных практик [28], которые являются инструментами трансляции исторической памяти и формирования ценностных ори-

ентиров молодого поколения [29]. Разнообразие коммеморативных практик выстраивается в многоуровневую систему [30]. В литературе присутствуют различные подходы к определению этих уровней, однако все они глобально сводятся до бинарного разделения на практики массовые и локальные. К первым относятся масштабные общегосударственные мероприятия, акции и проекты, объединяющие многих людей из разных регионов страны [31]. Локальный уровень представляют инициативы, реализуемые в рамках отдельных организаций и сообществ. Также к данному уровню относят семейные ритуалы, связанные с передачей памяти о предках, ведением архивов и бережным сохранением семейных историй. Гармоничное сочетание, взаимодополнение массовых и локальных коммеморативных практик позволяют перевести абстрактный нарратив в лично значимую плоскость. В таком случае патриотическая самоидентификация укрепляется через проживание чувства сопричастности и связывание прошлого страны с семейной историей, биографией молодого человека.

Пространством, где данная связь обретает предметное воплощение, выступает внешняя среда формирования патриотической самоидентификации. Организационная среда вуза и городская социокультурная среда в этом отношении оказываются на стыке массового и локального. Университетские проекты предлагают молодежи различные формы участия, позволяющие встроить личный опыт в общий идеологический нарратив. Например, создание вузами собственных баз данных ветеранов в рамках акции «Бессмертный полк», участие студентов в кампании «Архивный десант» под эгидой Поискового движения России по оцифровке документов [32]. Городская среда, в свою очередь, создает широкий социокультурный контекст для реализации этих практик [33]. Город в этом процессе выступает и как объект коммеморации, память о прошлом которого невозможна без вплетения аутентичных культурных смыслов места в повседневные практики горожан [34].

Современные вузы призваны служить площадкой трансляции патриотической повестки среди студенческого сообщества. В нашей стране эта же функция реализуется через включение учащихся в актуальный общероссийский контекст на основе преемственности поколений, реализации патриотических проектов и мероприятий, сохранения и популяризации историко-культурного наследия в городах [23]. В городах и вузах взаимодействие массового и локального особенно ярко иллюстрируется коммеморативными практиками, связанными с Великой Отечественной войной. К этим практикам можно отнести общенациональные акции вроде «Бессмертный полк» и «Свеча памяти», локальные вахты памяти, благоустройство монументов и студенческие инициативы. Индикатором результативности такой деятельности выступает уровень патриотической самоидентификации, связанной с чувством гордости за историческое прошлое своего народа, полученными знаниями, эмоционально опосредованным отношением к памятным местам своей страны, региона, города [35].

Методология, материалы и методы

В статье анализируются данные, полученные в ходе V этапа федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной войне» (декабрь 2024 года – февраль 2025 года). Все вопросы, представленные в данной статье, использовались в предыдущих волнах федерального мониторинга и прошли пилотажную проверку. Изменения V волны касались формата части вариантов ответа в порядковых переменных (переход на шкалу Лайкерта), что было протестировано в ходе пилотажа. Проведение опроса методом онлайн-анкетирования было организовано Уральским отделением Российского общества социологов – силами группы ученых кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства УрФУ при участии авторов этой статьи. Научным руководителем и координатором очередной волны мониторинга выступил д-р философ. наук, профессор Ю. Р. Вишневский (УрФУ, г. Екатеринбург). Целевая группа респондентов – все категории обучающихся в системе высшего образования (бакалавры, магистранты, аспиранты, ординаторы всех специальностей и направлений подготовки). Результаты исследования позволили выявить изменения молодежного сознания, в том числе характер, направленность и содержание трансформации исторической памяти о Великой Победе в студенческой среде.

Созданная анкета в сервисе «Яндекс.Формы» распространялась среди студентов через кураторов государственных вузов РФ, откликнувшихся на предложение принять участие в исследовании. Отклик составил около 10 %, предложение приняли 85 из 888 российских вузов, созданных государством или его субъектом. Получившаяся выборочная совокупность носит гнездовой характер. В опросе приняли участие студенты, обучающиеся в 29 городах РФ. Объем выборочной совокупности составил 19 232 человека, из них 33 % юношей и 67 % девушек. 72 % опрошенных студентов обучаются по программам высшего образования уровня бакалавриата, 24 % – специалитета, около 4 % – магистратуры, интернатуры, ординатуры, менее 1 % – аспирантуры, докторантуры. 44 % участников анкетного опроса – студенты первого курса, 22 % – второго курса. На третьем курсе обучаются 16 % опрошенных, на четвертом – 13 %. В структуре выборки оказалось еще 5 % студентов пятого-шестого курсов. По профилю обучения в выборку вошли 40 % гуманитариев, 15 % опрошенных, получающих медицинское образование, еще 18 % – инженерно-техническую специальность. Каждый десятый (10 %) респондент – студент социально-экономического профиля, остальные 7 % – естественно-научного.

Для выявления факторов, в определенной степени влияющих и отражающих уровень патриотической самоидентификации, использован дискриминантный анализ. Применялся метод пошагового отбора переменных. В качестве возможных факторов были рассмотрены возникновение чувства гордости за свой город при присвоении званий; оценка состояния памятников истории,

могил, захоронений времен Великой Отечественной войны в городе и регионе проживания студента; получение в образовательном учреждении знаний, вызывающих гордость за страну. Получившаяся модель (таблица 1 из раздела «Результаты исследования») обладает достаточно высоким классифицирующим потенциалом. Ее точность достигает 71 %. При этом предсказательная способность выше в отношении группы студентов, идентифицирующих себя как патриотов (78 %), и несколько ниже для тех, кто затруднился с ответом или же отнес себя к группе непатриотов (67 %). В нашем исследовании мы это связали с многогранностью понимания сущности патриотизма.

В этой работе сопоставляются две категории студенческой молодежи – «патриоты» и «непатриоты», поскольку именно такое деление можно рассматривать как общепринятое в публичном дискурсе. Более детальные градации патриотической самоидентификации, безусловно, важны, но могут нивелировать специфику крайних полюсов. Фокус на полярных группах респондентов является методологическим условием для выявления максимально выраженных контрастов и фиксации различий между ними.

Реализованное исследование имеет и ряд ограничений. Во-первых, в основу выборки положен гнездовой отбор с добровольным участием вузов. Это обусловило некоторое смещение получившейся выборки в сторону девушек, студентов младших курсов и обучающихся на гуманитарных направлениях подготовки. Тем не менее значительный объем собранных анкет, охват городов и всех ключевых профилей подготовки позволяют рассматривать данные как подходящие для экстраполяции результатов на сообщества студентов других государственных вузов РФ. Кроме того, добровольное участие вузов (отклик около 10 %) создает риск систематической ошибки. Вузы, согласившиеся на опрос, потенциально могут быть более ориентированы на патриотическое воспитание по сравнению с теми, кто отказался. Однако еще одним ограничением выступает участие в опросе студентов из 29 различных по размеру городов России, включая города с численностью населения свыше 1 млн чел. Этот фактор не учитывался нами при поиске статистически значимых отличий в ответах респондентов.

Во-вторых, период проведения V волны мониторинга совпал с активной фазой патриотических кампаний, реализующихся как в пространстве вузов, так и за их пределами в преддверии 80-летия Великой Победы. Это могло наложить определенный отпечаток на временное смещение ответов респондентов в сторону завышения своих самооценок или выражения ситуативной конформности. Вместе с тем согласованность полученных результатов с выводами других исследований подтверждает релевантность собранных данных реальному положению дел.

В-третьих, исследовательские результаты ограничены и тем, что собранная количественная информация на текущем этапе исследования не дополнена качественными данными. Последние позволили бы объяснить структуру и глубинные основания выявленных отличий в самоидентификации молодежи,

формируемой в относительно схожих условиях внешней среды и социализации.

В-четвертых, следует учитывать, что измерение патриотических и близких к ним установок через прямые самоотчеты может быть подвержено эффекту социальной желательности. Как показано в исследовании B. R. Knoll, подобные установки имеют тенденцию к завышению значений в опросах именно из-за социального давления: респонденты не хотят выглядеть «непатриотичными» [36]. В нашем исследовании анонимность онлайн-анкетирования и наличие возможности затрудниться с ответом частично снижают этот риск, однако полностью исключить его нельзя, что является одним из ограничений данного исследования.

Результаты исследования

Уровень патриотической самоидентификации в студенческом сообществе измерялся по ответам студентов на вопрос: «Вы можете назвать себя патриотом?» Результаты позволили выделить две категории респондентов. К идентифицирующим себя как патриоты отнесли тех, кто ответил «Да» (41 %) и «Скорее да» (41 %). К группе не идентифицирующих себя как патриоты – тех, кто не смог однозначно ответить на вопрос (6 %), а также выбрал варианты «Скорее нет» (7 %), «Нет» (5 %). Процентное соотношение юношей и девушек в получившихся категориях примерно одинаково. 84 % девушек и 78 % юношей, принявших участие в этом исследовании, отнесли себя к группе патриотов.

Далее мы проанализировали когнитивную репрезентацию (образ идеи в представлениях молодежи), смысловые срезы отражения патриотизма в молодежном сознании [9]. Для этого студентам было предложено дать ответ на вопрос: «Что для вас значит сегодня быть патриотом своей страны?» Результаты представлены в таблице 1. В ходе анализа собранных ответов мы не обнаружили статистически значимых отличий при ответе на этот вопрос юношами и девушками.

Таблица 1
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что для вас значит сегодня быть патриотом своей страны?» (% от опрошенных)

Table 1
Distribution of respondents' answers to the question: "What does it mean for you today to be a patriot of your country?" (% of those surveyed)

Что для вас значит сегодня быть патриотом своей страны? / What does it mean for you today to be a patriot of your country?	Считают себя патриотами (ответы «скорее да», «да») / Consider themselves patriots (responses: "Rather yes", "Yes")		Не считают себя патриотами (ответы «затрудняюсь ответить», «скорее нет», «нет») / Do not consider themselves patriots (responses: "Difficult to answer", "Rather no", "No")	
	%	Ранг / Rank	%	Ранг / Rank
Эмоционально-когнитивный аспект патриотизма / Emotional-cognitive dimension of patriotism				
Испытывать гордость за свою страну / Experiencing pride in one's country	69	1	39	2
Уважать и знать историю своей страны / Showing respect for and knowledge of one's country's history	65	2	45	1
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам / Treating with respect participants of the Great Patriotic War, elderly people, and people with disabilities	52	4	28	4
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране / Having a sense of belonging to your organisation, city, and country	8	11	7	11
Ценностный аспект патриотизма / Value dimension of patriotism				
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране / Experiencing a sense of responsibility for events occurring in the country	61	3	35	3
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны / Being prepared for self-sacrifice in the interests of the country	37	5	21	6
Деятельностный аспект патриотизма / Activity-based dimension of patriotism				
Честно и добросовестно трудиться / Working honestly and conscientiously	33	6	19	7
Принимать участие в общественной и политической жизни страны / Participating in the public and political life of the country	32	7	22	5
Придерживаться традиционных ценностей в повседневной жизни / Adhering to traditional values in daily life	21	8	18	8
Не уклоняться от службы в армии / Not evading military service	18	9	9	9

Быть волонтером / <i>Engaging in volunteer activities</i>	13	10	8	10
Покупать в основном отечественные товары / <i>Purchasing predominantly domestically produced goods</i>	5	12	5	12
<i>Vсero / Total</i>	345		256	

Примечание. Сумма больше 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько альтернатив /
Note. The sum is greater than 100% because respondents could select multiple alternatives.

Важно, что среди тех, кто не считает себя патриотом, 18 % назвали патриотизм устаревшим понятием, отмечая, что родина – там, где комфортно самому человеку. Среди подвыборки патриотов такой позиции придерживаются только 4 %.

Тем не менее у студентов с разной патриотической самоидентификацией наиболее распространенные смысловые значения сформированных представлений о патриотизме получают одни и те же интерпретации. Но, если для тех, кто считает себя патриотом, на первом месте эмоциональный компонент – «испытывать гордость за свою страну» (69 %), то среди «непатриотов» эту позицию выделили только 39 %. Для этой категории опрошенных приоритетен когнитивный аспект – «уважать и знать историю своей страны» (45 %). При этом разрыв между группами усиливается в вопросах гражданской ответственности (61 % против 35 %), уважительного отношения к участникам ВОВ, пожилым, инвалидам (52 % против 28 %) и готовности к самопожертвованию (37 % против 21 %). Такие данные свидетельствуют о более глубокой личной эмоциональной вовлеченности патриотически ориентированных студентов.

Опрошенная студенческая молодежь интерпретирует феномен патриотизма преимущественно через его ценностные и эмоционально-когнитивные аспекты. Что касается альтернатив, характеризующих деятельностное выражение патриотизма, то их выбирает не более трети респондентов. Такие формы, как волонтерство (13 % и 8 %) и покупка отечественных товаров (5 %), и вовсе оказываются на периферии патриотического образа в представлениях студентов вне зависимости от их патриотической самоидентификации.

Кроме предложенных заранее альтернатив, респонденты могли выбрать вариант ответа «другое» и раскрыть свое личное понимание патриотизма. Этой возможностью воспользовались 1 % относящих себя к патриотам, и 5 % среди остальной части респондентов. Зачастую студенты, независимо от их патриотической самоидентификации, отмечали важность деятельностного патриотизма, критического мышления, любви к своей малой родине и окружающим людям. Ниже представлены примеры этих высказываний:

«Жить в этой стране, имея свою голову на плечах. Уважать законы и традиции, но не вестись на мнение толпы и бессмысленные заявления, иметь критическое мышление».

«Любить свою страну, желать ей блага, процветания и хорошего руководства».

«Патриот – это тот человек, который готов сделать все для благополучия народа своей страны, а не помочь получить состояние определенным группам лиц».

«Уметь видеть достоинства и недостатки. Пытаться общими усилиями их исправить».

«Это просто значит любить свою страну искренней и светлой любовью, не поливая грязью другие страны, любить ее культуры, ее природу, но нельзя закрывать глаза на угнетающие и негативные моменты. Патриотизм – это не слепая вера и готовность смириться с самыми ужасными условиями».

Для нашего исследования важно влияние факторов городской среды на более глубокое понимание феномена патриотизма и ярко выраженное эмоциональное восприятие, обеспечивающие вовлеченность в тематические события и удерживающие тем самым чувство патриотизма в среде студенческой молодежи. Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы обычно проводите 9 мая?» Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы обычно проводите 9 мая?» (% от опрошенных)

Table 2
Distribution of respondents' answers to the question: "How do you usually spend May 9th?" (% of those surveyed)

Как Вы обычно проводите 9 мая? / How do you typically spend May 9 th ?	Считают себя патриотами (ответы «скорее да», «да») / Consider themselves patriots (responses: "Rather yes", "Yes")	Не считают себя патриотами (ответы «затрудняюсь ответить», «скорее нет», «нет») / Do not consider themselves patriots (responses: "Difficult to answer", "Rather no", "No")
Смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный) / Watching the military parade on television (the parade on Red Square or the local parade)	60	40
Принимаю участие в шествии «Бессмертный полк» / Taking part in the "Immortal Regiment" procession	34	16
Участвую в праздничных мероприятиях / Participating in festive/celebratory public events	33	18
Возлагаю цветы к Вечному огню, памятникам / Laying flowers at the Eternal Flame, at war memorials	31	16
Поздравляю ветеранов / Congratulating war veterans	21	11
За праздничным столом / Celebrating at a festive meal	19	14

Просто гуляю и отдыхаю / <i>Simply walking and resting</i>	19	37
Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники войны / <i>Going alone or with relatives to the cemetery where family members who took part in the war are buried</i>	12	8
Всего / <i>Total</i>	229	160

Примечание. Сумма больше 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько альтернатив / Note. The sum is greater than 100% because respondents could select multiple alternatives.

Между студентами, считающими себя патриотами, и теми, кто не относит себя к этой группе, существуют устойчивые различия в отношении их коммеморативных практик, связанных с 9 мая. Патриотически ориентированные респонденты демонстрируют более высокую вовлеченность в символические и ритуальные формы участия. Они чаще смотрят парад по телевизору (60 % против 40 %), участвуют во всероссийском шествии «Бессмертный полк» (34 % против 16 %), посещают праздничные мероприятия (33 % против 18 %) и возлагают цветы к памятникам и Вечному огню (31 % против 16 %). В группе не считающих себя патриотами актуальна более дистанцированная модель поведения в день празднования Великой Победы. В том числе 37 % студентов этой группы проводят 9 мая за прогулками и отдыхом в целом (против 19 % среди группы патриотов).

Интересно, что выбор ответа «просто гуляю и отдыхаю» чаще характерен именно для студентов нежели для студенток. Среди юношей эту альтернативу выбрали 29 % порошенных, в то время как в подвыборке девушек – только 19 % (коэф. Фишера – 110, $p < 0,000$). Каких-либо других статистически значимых отличий между ответами юношей и девушек в этом исследовании выявлено не было.

Рассмотрим распределение ответов респондентов двух сравниваемых групп по трем ключевым направлениям, характеризующим отношение студентов к организационно-структурным решениям образовательной и городской среды, которые могут влиять на формирование патриотизма. Первый аспект, который мы оценивали, – это то, как студенты воспринимают практики присвоения городу почетных званий. Второй – какую оценку дают состоянию памятников и захоронений времен Великой Отечественной войны. Третий – как они судят о своем опыте получения в образовательных учреждениях знаний, вызывающих гордость за страну и ее историю. На рисунках 1 и 2 представлено распределение ответов студентов, относящих и не относящих себя к патриотам, на обозначенные выше вопросы (ответы на каждый вопрос предполагали выбор варианта ответа по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 – наиболее отрицательная оценка, 5 – наиболее положительная оценка).

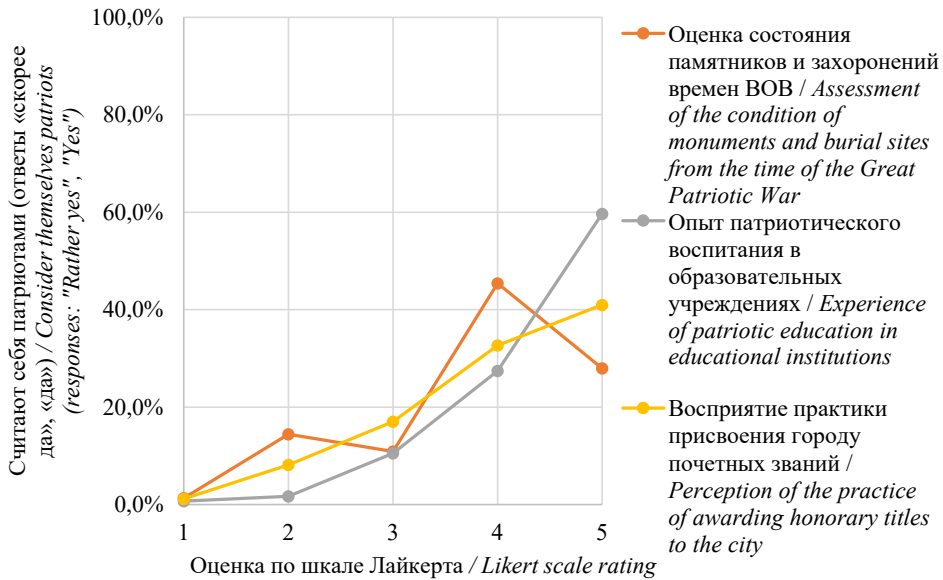

Рис. 1. Распределение ответов студентов, идентифицирующих себя как патриоты, по вопросам, выступающим предикторами дискриминантной модели (в % от группы, по шкале Лайкерта, где 1 – наиболее отрицательная оценка, 3 – затруднение при ответе, 5 – наиболее положительная оценка)

Fig. 1. Distribution of responses of students who identify themselves as patriots, by questions serving as predictors of the discriminant model (% of the group, based on a Likert scale, where 1 – most negative assessment, 3 – difficulty in answering, 5 – most positive assessment)

В подгруппе респондентов, идентифицирующих себя как патриотов, средняя оценка состояния памятников истории, могил и захоронений времен Великой Отечественной войны составляет 4,13. Еще более высокий показатель (4,44) зафиксирован в отношении образовательного контента, вызывающего чувство гордости за свою страну. Это свидетельствует о значимом воспитательном и смыслообразующем потенциале учебных курсов, интегрированных в современные образовательные программы российских вузов. Средняя оценка 4,04 при ответе на вопрос о практике присвоения городу почетных званий указывает на то, что в студенческой среде данный факт скорее вызывает гордость, нежели оставляет юношей и девушек равнодушными.

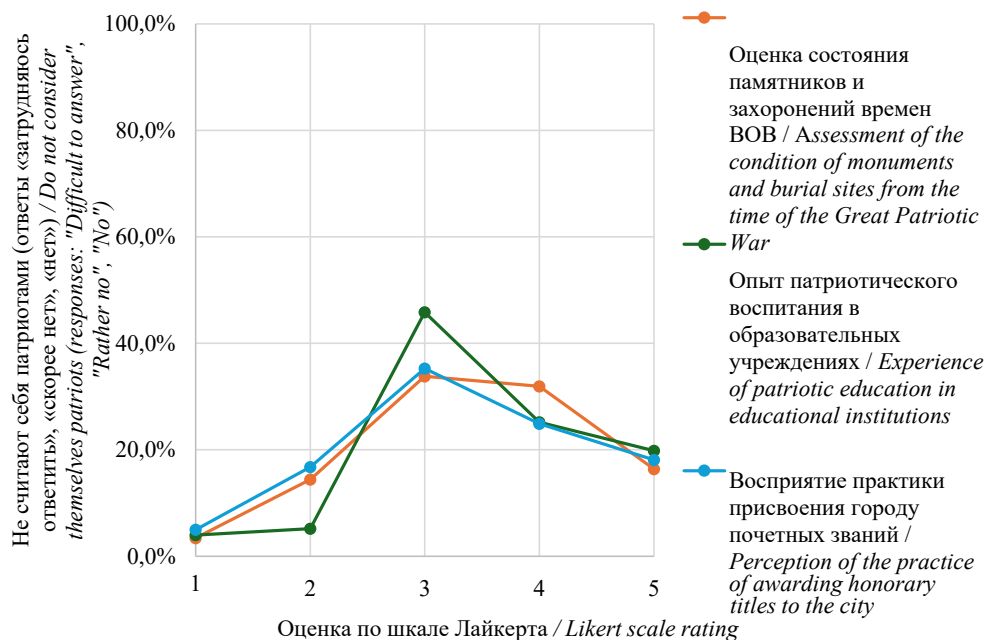

Рис. 2. Распределение ответов студентов, не идентифицирующих себя как патриоты, по вопросам, выступающим предикторами дискриминантной модели (в % от группы, по шкале Лайкерта, где 1 – наиболее отрицательная оценка, 3 – затруднение при ответе, 5 – наиболее положительная оценка)

Fig. 2. Distribution of responses of students who do not identify themselves as patriots, by questions serving as predictors of the discriminant model (% of the group, based on a Likert scale, where 1 – most negative assessment, 3 – difficulty in answering, 5 – most positive assessment)

Для респондентов, не причисляющих себя к патриотам, состояние мемориального наследия 1941–1945 гг. получает среднюю оценку 3,34. Способность образовательного контента пробуждать чувства гордости за страну по оценкам респондентов этой подгруппы получает относительный максимум (3,72). Присвоение городу почетных званий оценивается студентами, не ассоциирующими себя с патриотами, скорее неопределенно (3,51). Следовательно, данный инструмент символической политики не столько отвергается, сколько воспринимается с равнодушием.

В нашей логике рассмотренные выше переменные показывают, как факторы социокультурного и образовательного пространств влияют на сознание молодежи, как они воспринимаются российскими студентами, и, как следствие, являются каналами формирования их патриотической самоидентификации. Для построения модели, дифференцирующей выборку студентов по критерию сформированности патриотической самоидентификации (ее наличие или от-

сутствие), был применен метод пошагового отбора выделенных факторов. Характеристики построенной модели представлены в таблице 3.

Таблица 3
Характеристики дискриминантной модели

Table 3

Parameters of the discriminant model

№	Характеристика модели / <i>Parameters of the discriminant model</i>	Значение / <i>Value</i>
1	Собственное значение / <i>Eigenvalue</i>	0,226
2	Уровень значимости (p) / <i>Sig.</i>	< 0,001
3	Общая точность классификации, % / <i>Overall classification accuracy, %</i>	76,2
4	Каноническая корреляция / <i>Canonical correlation</i>	0,439
5	Лямбда Уилкса / <i>Wilks' lambda (λ)</i>	0,816
6	Хи-квадрат / <i>Chi-square (χ^2)</i>	3920,931

На оценку вклада каждого рассмотренного фактора указывают значения стандартизованных коэффициентов канонической дискриминантной функции, которые представлены в таблице 4.

Таблица 4
Стандартизованные коэффициенты канонической дискриминантной функции для студентов с разной степенью сформированности патриотической самоидентификации

Table 4

Standardised coefficients of the canonical discriminant function for students with varying degrees of formed patriotic self-identification

№	Предиктор (институциональный канал) / <i>Predictor (institutional channel)</i>	Стандартизованный канонический коэффициент / <i>Standardised canonical coefficient</i>	Корреляция с функцией (матрица структуры) / <i>Correlation with function (structure matrix)</i>
1	Опыт патриотического воспитания в образовательных учреждениях / <i>Experience of patriotic education within educational institutions</i>	0.740	0.890
2	Оценка состояния памятников и захоронений времен Великой Отечественной войны / <i>Assessment of the condition of monuments and burial sites from the Great Patriotic War</i>	0.363	0.545
3	Восприятие практики присвоения городу почетных званий / <i>Perception of the practice of conferring honorary titles on cities</i>	0.260	0.553

Как видно из таблицы 4 в нашей модели ключевым фактором, повышающим вероятность формирования патриотической самоидентификации у современной студенческой молодежи, выступает среда патриотического вос-

питания в образовательных учреждениях. В ее границах институционально закреплены определенные формы и направления работы со студенчеством образовательных учреждений. Такая работа по патриотическому воспитанию и исторического просвещению сопряжена с освещением символически значимых событий и популяризацией героев прошлого в студенческой среде. Значительно меньший, но статистически весомый вклад вносит оценка состояния военно-мемориального наследия. Третьим по значимости предиктором выступает восприятие символической политики на уровне городских сообществ (присвоение почетных званий городу).

Обсуждение

Полученные нами результаты соотносятся с выводами Н. Ю. Склярова, М. П. Литвиненко, Е. Е. Луцкая, О. И. Белоусова о том, что в студенческой среде выделенный ими кластер «негативистов» по отношению к патриотизму составляет 9 % [37], в нашем исследовании – 12 %. Патриотическая самоидентификация студенчества формируется в молодежном сознании за счет разнообразия когнитивного определения каждым индивидом смыслов и значений этого феномена для себя лично. Чем ярче выражена патриотическая самоидентификация, тем более богаче «смысловая палитра», отражающая отношение человека к своей стране, ее истории. Данные исследования четко показывают, что у тех студентов, идентифицирующих себя как патриотов своей страны, существенно богаче представления о ценностно окрашенных характеристиках, включающих в себя одновременно эмоциональный, когнитивный, ценностный и деятельностный компоненты данного феномена. В среднем респонденты этой группы, оценивая значения патриотизма для себя лично, выбирали 3,5 альтернатив, отражающих разные характеристики патриотизма. В группе студентов, кто не считает себя патриотом, значительно больше доля тех – практически каждый пятый из всех опрошенных (18 %), – кто осознанно вытесняет из своего сознания патриотизм как значимое для себя и общества явление. В этой группе смысловое определение патриотизма более обедненное, оно сжато. Студенты выбирали в среднем 2,6 важные для себя характеристики патриотизма. При этом обращает на себя внимание схожая структура смыслового определения патриотизма в обеих сравниваемых группах студентов, в которой эмоциональная и когнитивная оценочные компоненты патриотизма существенно доминируют над деятельностной. В особенности менее выражена значимость для студентов, которые не идентифицируют себя как патриотов, реальных действий, направленных на развитие своего (со)общества (честно и добросовестно трудиться, быть волонтером, не уклоняться от службы в армии, принимать участие в общественной и политической жизни страны, покупать в основном отечественные товары). При этом у тех, кто имеет патриотическую самоидентификацию, деятельностная компонента в определении патриотизма представлена все-таки более значимо. Это подтверждает выводы турецких исследователей о том, что конструктивный патриотизм положительно влия-

ет на все аспекты активной гражданской позиции и опосредует взаимосвязь между базовыми человеческими ценностями и активной гражданской позицией [14].

В эмоционально-когнитивном и ценностном измерениях патриотизма, репрезентированных в сознании российского студенчества, обнаруживается пограничное положение между «слепым» и конструктивным типами. Среди респондентов, относящих себя к патриотам, доминирует чувство гордости за страну – установка, характерная для «слепого» (некритического) патриотизма. В подгруппе «непатриотов», напротив, актуализируется знание и уважение истории своего государства, что по своей сути близко к конструктивному пониманию патриотизма. В то же время чувство ответственности за происходящее в стране как индикатор, ассоциируемый с конструктивным патриотизмом, оказывается значимым для обеих когорт в структуре ценностного аспекта патриотизма. Следовательно, мы не можем утверждать о преобладании в сознании опрошенных студентов репрезентаций исключительно «слепого» или исключительно конструктивного патриотизма. Полученные результаты соотносятся и с другими актуальными исследовательскими выводами, особенно в части значимости для молодежи эмоционального единения с гражданами своей страны [37].

Смысловая структура определения патриотизма в молодежном сознании, которую мы выявили, во многом сохраняется достаточно продолжительное время. Л. В. Гуляева и З. Г. Ефимова в региональном исследовании 2018 года также выявили доминирование эмоциональной и когнитивной/знаниевой компоненты в определении студентами этого феномена [38]. Наши данные подтверждают также и выводы коллег Н. Ю. Скларовой, М. П. Литвиненко, Е. Е. Луцькой, О. И. Белоусовой, которые маркируют определенные нами доминирующие компоненты патриотического сознания студенчества как «пассивный патриотизм» [37]. При этом чувство любви и гордости за свою страну, по их мнению, является основой для всех типов патриотизма.

Патриотическая самоидентификация российского студенчества более тесно сопряжена с чувством гордости за свою страну и ее историю. В оценке влияния факторов образовательной среды и городского пространства на это эмоциональное состояние, студенты, идентифицирующие себя как патриоты, значительно чаще демонстрировали более высокий уровень согласия с предложенными им высказываниями. Они четко фиксируют в своем сознании взаимосвязь своего патриотического отношения с тем, что реализуется в стране в рамках государственного курса патриотического воспитания. При этом в группе студентов, не идентифицирующих себя как патриотов, существенно выше число тех, кто не может определенно сказать, согласен он или нет с предложенными утверждениями. Их позиция неоднозначно и в отношении того, они за или против всего происходящего, вовлечены они в общий контекст или нет, одобряют его или нет. Тем не менее влияние на эмоциональную компоненту патриотического сознания (чувство гордости за страну и ее историю) анализи-

руемых нами организационно-структурных решений в образовательной среде и городском социокультурном пространстве положительно оценивает большая доля респондентов в группе «непатриотов». В этой группе существенно меньше доля тех, кто это не признает.

Обнаруженный разрыв между патриотической самоидентификацией и реальной деятельностной включенностью объясняется дифференцированным влиянием двух сред. Патриотическое сознание (эмоции, знания, самоидентификация) формируется прежде всего образовательной средой. Однако само по себе оно не переводится в поведение. Деятельностная же компонента патриотизма в гораздо большей степени связывается с городской социокультурной средой. Более того, исследователи фиксируют, что отводимая молодежи роль в воспроизводстве патриотических ценностей, зачастую сводится к декларативным формам, порождающим видимость участия без реальной социальной инициативности [39], что усиливается и сильной патерналистской ориентацией современной молодежи, не стимулирующей самостоятельной инициативы [40]. Именно этот дисбаланс, вероятнее всего, выступает основной причиной зафиксированного противоречия. Однако отметим, что этот вопрос требует дополнительных исследований, в том числе с применением качественной стратегии.

Одним из важнейших организационно-структурных решений в реализации воспитательной деятельности является общеуниверситетский курс «Основы российской государственности». В анкете студентам был задан вопрос с комментарием: «Сегодня большой объем информации о фактах, событиях, героях Великой Отечественной войны включен в образовательный процесс, например, обсуждаются на уроках в школах, на лекциях в колледжах и вузах. Узнали ли Вы на них для себя что-либо, что вызвало у Вас чувство гордости за свою страну?» Среди студентов с разной патриотической самоидентификацией доля тех, кто ответил на этот вопрос отрицательно, минимальна. При этом затруднились с ответом, не смогли дать однозначный ответ среди студентов, не считающих себя патриотами чуть меньше половины (45 %). На наш взгляд, это свидетельствует скорее о том, что полученная фактологическая информация не была должным образом осмыслена, не состоялось рефлексии, либо тематика не обсуждалась так, чтобы вовлечь этих студентов в нее. В этих выводах мы согласны с коллегами в том, что для этого особенно важна роль педагога. О. А. Богатова, Т. М. Дадаева, Н. В. Шумкова доказали, что формирование исторических знаний и представлений во многом зависит от педагогического таланта преподавателя [41]. Согласно их данным, те из респондентов, кому нравились уроки истории в школе, чаще проявляют интерес к истории и в студенчестве.

Среди студентов, не идентифицирующих себя патриотами, достаточно большая доля (18 %) тех, кто считает патриотизм устаревшим понятием и согласен с тем, что родина там, где человеку комфортно. Такое убеждение скорее характеризует индивидуалистические, эгоистические установки и соотносит-

ся с практиками исключенности из социального взаимодействия молодежи в рамках событий, посвященных памятным для всей страны датам. Среди этой группы студентов значительно меньше тех, кто принимает участие в праздничных мероприятиях, вовлечен в массовые коммеморативные практики. В их сознании и поведении праздничная городская социокультурная среда – зона отдыха и личного удовольствия.

Наряду с выявленными нами факторами, исследователи указывают и на более широкие контекстуальные причины снижения патриотической активности молодежи. Среди них – влияние глобализации и международного информационного обмена, создающие противоречие между традиционными российскими ценностями и западными культурными моделями, что может приводить к размыванию национального самосознания [42]. К числу вызовов также относят социально-экономические проблемы, межпоколенческий разрыв, кризис доверия к институтам власти и трансформацию семейного воспитания, а также отсутствие устойчивой идеологической линии в патриотическом воспитании после распада СССР [43]. Данные объяснения не противоречат нашей интерпретации, а дополняют ее, указывая на условия макроуровня, включающие образовательную среду и городское социокультурное пространство.

Таким образом, организационно-структурные решения городского социокультурного пространства влияют на патриотическую самоидентификацию молодежи в сопряжении с вовлеченностью студентов в связанные с этими решениями городские мероприятия. Под такими решениями предполагаются мемориальные места, городские памятники, а также практики присвоения городам званий «Город-герой», «Город воинской славы», «Город трудовой доблести». Наше исследование подтверждает выводы Н. Г. Федотовой о том, что городское социокультурное пространство должно быть наполнено коммеморацией в широком смысловом диапазоне – от инструмента поддержания коллективной солидарности и трансляции памяти до конкретно-деятельностных форм воплощения этой памяти [34]. Исключенность индивида из массовых мемориальных практик, как следствие, поддерживает несформированность у него патриотической самоидентификации.

Заключение

По результатам нашего исследования патриотическая самоидентификация проявляется у большинства студентов (82 %). Категорически отказываются от патриотизма только 12 % от числа всех опрошенных. Тем не менее важно подчеркнуть отсутствие у группы «непатриотов» как устойчиво позитивного, так и устойчиво негативного отношения к институционально закрепленным формам патриотического воспитания. Иными словами, их позиция находится скорее в «переходной» зоне, что затрудняет однозначную классификацию при выявлении патриотической идентификации. Мы установили, что они наполняют патриотизм такими же смыслами, как и те, кто открыто заявляет о

себе как о патриоте. При многообразии когнитивных репрезентаций феномена патриотизма в сознании современного студенчества эмоциональная связь патриотизма со страной (гордость, знание истории, уважение к старшим, инвалидам) и принятие ценностных обязательств (ответственность за происходящее, готовность к самопожертвованию) существенно опережают его реальную включенность в практики, соответствующие деятельностным аспектам патриотизма.

В статье доказано, что на более богатое понимание патриотизма и ярко выраженную эмоциональность его оценки больше всего влияет образовательная среда вузов, включая новый курс «Основы российской гражданственности». При интерпретации этого результата мы выдвигаем гипотезу, что не происходит должной рефлексии студентами в отношении получаемой информации. Другой интерпретацией, также требующей проверки, выступает предположение о том, что вовлеченность педагогического сообщества может не всегда соответствовать заявленному государственному курсу на воспитательную деятельность. Эти гипотезы основаны на косвенном эмпирическом индикаторе: мы зафиксировали большую долю среди студентов-непатриотов тех, кто не может дать этому организационно-структурному решению однозначно определенной оценки. Природа этой связи может быть установлена в исследованиях с качественными методами или дополнительными количественными дизайнами. Важным оказалось и то, что патриотическая самоидентификация сопряжена с более активным включением в публичные и коллективные формы празднования Дня Победы. В это же время ее отсутствие чаще сочетается с пассивным досугом, не связанным с ритуалами сохранения памяти. При этом факторы городской среды так же влияют на более богатое понимание самого феномена патриотизма и ярко выраженную эмоциональность. Тем самым обеспечивается вовлеченность в события, наряду с участием в массовых действиях, тем самым удерживая чувство патриотизма в студенческой среде.

Мы приходим к выводу, что образовательная среда оказывает прямое воздействие на становление патриотической идентификации. Однако это влияние, реализуясь через пассивное усвоение информации, не приводит к развитию и укреплению деятельностной компоненты смыслового конструкта патриотизма в сознании молодежи. Воздействие городского пространства опосредовано и ситуативно. Его роль заключается не столько в формировании патриотической идентификации, а сколько в поддержании ее через вовлеченность в коллективные ритуалы памяти – коммеморативные практики. Таким образом, наиболее эффективным организационно-структурным решением в сложившихся условиях могут стать гибридные форматы, где образовательный курс (в том числе ОРГ) напрямую связывается с городской практикой (проект по благоустройству мемориала, участие в городском событии как часть учебного задания).

Полученные результаты и выводы могут быть использованы для совершенствования организации воспитательной работы в высшей школе. Они

раскрывают потенциал сочленения образовательной среды и городского социокультурного пространства в переходе от «вербального» патриотизма к его деятельностному воплощению.

Список использованных источников

1. Никольский В.С., Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Земцов Д.И., Метелев А.П. Готовность студентов вузов к общественному служению. *Высшее образование в России*. 2024;33(8-9):9–26. doi:10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26
2. Федотова Н.Г. Культурная память города: особенности репрезентации нарративов локального патриотизма в городской среде. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2023;50:153–165. doi:10.17223/22220836/50/13
3. Певная М.В., Тарасова А.Н., Телепаева Д.Ф., Протасов Д.С. Трансформирующая агентность учащейся молодежи как ресурс формирования гражданственности в сфере образования. *Образование и наука*. 2024;26(4):169–200. doi:10.17853/1994-5639-2024-4-169-200
4. Alistair R. Citizenship education and identity in Europe. *REICE – Revista Electrónica Iberoamericana sobre Calidad, Eficacia y Cambio en Educación*. 2007;5(4):120–131.
5. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu İ. Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism. *Journal of Environmental Psychology*. 2022;80. Accessed April 27, 2026. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494421002085?casa_token=zdDSK1QNuhEAAAAA:ADdW3OYOFYg-Vy_qqYsVzXmJwn22dYHesjq4Ozn-fGpEvcMYH-ZK_hCifUjRJI5ziKFMrn_O0Q
6. Anderson L.W. Civic education, citizenship, and democracy. *Education Policy Analysis Archives*. 2023;31. Accessed April 27, 2026. <https://epaa.asu.edu/index.php/epaa/article/download/7991/3205/37014>
7. Майборода А., Саблина А., Ясавеев И. Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России. *Социологическое обозрение*. 2021;20(3):71–97. doi:10.17323/1728-192x-2021-3-71-97
8. Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*. 2020;2:109–121. doi:10.17976/jrps/2020.02.08
9. Тарасова А.Н., Городецкая Д.В., Початкова Е.И. Когнитивные репрезентации патриотизма и их связь с самоидентификацией и лояльностью к стране среди российских студентов. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2025;11(4):6–24. doi:10.21684/2411-7897-2025-11-4-6-24
10. Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.): монография / Вишневский Ю.Р. [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2025. 592 с.
11. Маленков В.В., Печеркина И.Ф. Патриотическая самоидентификация в системе гражданских ориентаций молодежи. *Социология*. 2019;(6):249–262.
12. Расторгуев С.В. Современные подходы к концепту «патриотизм» в научном дискурсе. *Власть*. 2024;1:96–101. doi:10.24412/2071-5358-2024-1-96-101
13. Schatz R.T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: Sardoč M., ed. *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer; 2020:613–633. doi:10.1007/978-3-319-54484-7_30
14. Elban M., Aslan S. The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye. *BMC Psychology*. 2023;11. Accessed April 27, 2026. <https://link.springer.com/article/10.1186/s40359-023-01233-z>

15. Hemment J. *Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs*. Bloomington, IN: Indiana University Press; 2015. 277 p.
16. Харитонов Е.М., Попов М.Ю., Касьянов В.В. Структура патриотизма. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023;(2):72–77. doi:10.23672/SAE.2023.26.72.002
17. Liu Q., Hong X. Do Chinese preschool children love their motherland? Evidence from the game-based assessment. *Behavioral Sciences*. 2024;14. Accessed April 27, 2026. <https://www.mdpi.com/2076-328X/14/10/959>
18. Payne K.A., Adair J.K., Colegrove K.S., Lee S., Falkner A., McManus M., Sachdeva S. Reconceptualizing civic education for young children: recognizing embodied civic action. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2020;15:35–46. doi:10.1177/1746197919858359
19. Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Факторы формирования патриотических ценностей и установок у старших школьников (на примере регионов Сибирского федерального округа). *Интеграция образования*. 2022;26(3):559–578. doi:10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578
20. Буранок С.О. Гражданская идентичность и история: результаты всероссийского опроса школьников. *Перспективы науки и образования*. 2022;(2):272–287. doi:10.32744/pse.2022.2.16
21. Wang F., Sanagustín-Fons V., Martínez-Quintana V. Red tourism and youth education: a systematic review of the literature. *Societies*. 2025;15(3). Accessed April 27, 2026. <https://www.mdpi.com/2075-4698/15/3/69>
22. Галимуллина Н.М., Вагаева О.А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс высшей школы: восприятие обучающимися и методика преподавания. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2024;(4):235–250. doi:10.24412/2304-120X-2024-11054
23. Парма Р.В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи. *Высшее образование в России*. 2024;33(1):44–67. doi:10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
24. Дружинина Ю.В., Ковтун Е.А., Широкова О.В. Концепт «патриотизм» в условиях современного вуза: содержание и возможности формирования. *Государственная служба*. 2023;2(142):95–103. doi:10.22394/2070-8378-2023-25-2-95-103
25. Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Константинова Л.В. Патриотическое воспитание в эпоху перемен: восприятие и отношение студентов московских вузов. *Высшее образование в России*. 2025;34(5):49–66. doi:10.31992/0869-3617-2025-34- 5-49-66
26. Falcón-Linares C., González-Yubero S., Mauri-Medrano M., Cardoso-Moreno M.J. Impact of social media on adolescence: mapping emerging needs to build resilient skills. *Societies*. 2023;13(11):1–11. doi:10.3390/soc13110238
27. Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;3:119–138. doi:10.14515/monitoring.2020.3.1621
28. Alkatiri Z., Archellie R. National patriotic day parade: the politics of historical memory and reconstruction of the Russian identity during Putin era. *Cogent Arts & Humanities*. 2021;8. Accessed April 27, 2026. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311983.2021.1992081>
29. Simons G. The politics of collective memory and intergenerational transmission: Victory Day in Ural newspaper coverage. *Cogent Social Sciences*. 2023;9. Accessed April 27, 2026. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2023.2281051#d1e775>
30. Бадараев Д.Д., Винокурова А.В., Нолев Е.В. Память о Великой Отечественной войне в регионах Дальнего Востока: коммеморативные практики студенческой молодежи. *Вестник Института социологии*. 2025;16(3):52–68. doi:10.19181/vis.2025.16.3.3

31. Linchenko A., Golovashina O. "With tears upon our eyes?": commemorations of Victory Day in the Great Patriotic War in the school practice in the Soviet Union and Russia. *Journal of Social Science Education*. 2019;18(1):56–80. doi:10.4119/jsse-912
32. Beshkinskaya V.S., Miller A.I. The 75th anniversary of the victory of Russian memory politics. *Russia in Global Affairs*. 2020;18(3):200–232. doi:10.24216/978383820550
33. Blackburn M., Klimenko E.V. Introduction to the special issue on under communism's shadow: the memory of the violent past in present-day Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(3):1–15. doi:10.1525/cpcs.2024.2332820
34. Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города. Вестник Томского государственного университета. *Культурология и искусствоведение*. 2020;39:130–143. doi:10.17223/22220836/39/12
35. Johari M.H.Y. Development of patriotism among multiethnic youths at commemorative heroic site. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2021;11(9):321–335. doi:10.6007/IJARBS/v11-i9/10763
36. Knoll B.R. Assessing the effect of social desirability on nativism attitude responses. *Social Science Research*. 2013;42(6):1587–1598. doi:10.1016/j.ssresearch.2013.07.012
37. Склярова Н.Ю., Литвиненко М.П., Луцкая Е.Е., Белоусова О.И. Патриотизм и гражданская активность в представлениях российской молодежи: опыт социологического анализа. *Образование и наука*. 2025;27(10):124–159. doi:10.17853/1994-5639-2025-10-124-159
38. Гуляева Л.В., Ефимова Г.З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика. *Siberian Socium*. 2018;2(1):53–73. doi:10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73
39. Яцевич О.Е., Юдашкина В.В. Патриотизм как ценностный ориентир: анализ эмпирических данных обучающихся Тюменского индустриального университета. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2025;79(3):179–188. doi:10.52452/18115942_2025_3_179
40. Селезнева А.В. Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки. *Научный результат. Социология и управление*. 2022;8(3):47–60. doi:10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4
41. Богатова О.А., Дадаева Т.М., Шумкова Н.В. Студенческая молодежь в пространстве исторических практик и нарративов (региональный аспект). *Интеграция образования*. 2024;28(1):98–110. doi:10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110
42. Розенберг Н.В., Карпова М.К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации. *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2025;13(2):76–90. doi:10.21685/2307-9525-2025-13-2-8
43. Плетнев М.Г., Сотникова А.М., Антонова Н.А., Гришкина А.В. Патриотизм как ценность российской молодежи: теоретические аспекты. *Управление*. 2025;13(3):164–175. doi:10.26425/2309-3633-2025-13-3-164-175

References

1. Nikolskiy V.S., Ambarova P.A., Shabrova N.V., Zemtsov D.I., Metelev A.P. Readiness of university students for public service. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(8–9):9–26. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26
2. Fedotova N.G. Cultural memory of the city: features of representing the narratives of local patriotism in the urban environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2023;50:153–165. (In Russ.) doi:10.17223/22220836/50/13

3. Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Telepaeva D.F., Protasov D.S. Transformative agency of students as a resource to form civic consciousness in education system. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2024;26(4):169–200. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2024-4-169-200
4. Alistair R. Citizenship Education and identity in Europe. *REICE – Revista Electrónica Iberoamericana sobre Calidad, Eficacia y Cambio en Educación*. 2007;5(4):120–131.
5. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu İ. Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism. *Journal of Environmental Psychology*. 2022;80. Accessed April 27, 2026. https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272494421002085?casa_token=zdDSK1QNuHEAAAAA:ADdW3OYOFYg-Vy_qqYsVzXmJwn22dYHesjq4Ozn-fGpEvcmYH-ZK_hCifUJjRJI5ziKFMrn_00Q
6. Anderson L.W. Civic education, citizenship, and democracy. *Education Policy Analysis Archives*. 2023;31. Accessed April 27, 2026. <https://epaa.asu.edu/index.php/epaa/article/download/7991/3205/37014>
7. Mayboroda A., Sablina A., Yasaveev I. The state for youth or youth for the state: discourses of youth policy in the EU and Russia. *Sociologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2021;20(3):71–97. (In Russ.) doi:10.17323/1728-192x-2021-3-71-97
8. Martynov M.Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn, A.I. Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. 2020;2:109–121. doi:10.17976/jpps/2020.02.08
9. Tarasova A.N., Gorodetskaya D.V., Pochatkova E.I. Cognitive representations of patriotism in relation to self-identification and national loyalty among Russian students. *Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2025;11(4):6–24. (In Russ.) doi:10.21684/2411-7897-2025-11-4-6-24
10. Vishnevskii Yu.R. *Pamiat' silnee vremeni: Itogi V volny monitoringa "Rossiiskoe studenchestvo o Velikoi Otechestvennoi voine" (2005–2010–2015–2020–2025 gg.) = Memory is Stronger than Time: Results of the 5th Wave of the Diptych "Russian Student Movement on the Great Patriotic War" (2005–2010–2015–2020–2025)*. Ekaterinburg: Publishing House Ural University; 2025. 592 p. (In Russ.)
11. Malenkov V.V., Pecherikina I.F. Patriotic self-identification in the system of civic orientations of youth. *Sotsiologiya = Sociology*. 2019;(6):249–262. (In Russ.)
12. Rastorguev S.V. Modern approaches to the concept of patriotism in scientific discourse. *Vlast' = The Authority*. 2024;1:96–101. (In Russ.) doi:10.24412/2071-5358-2024-1-96-101
13. Schatz R.T. A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: Sardoč M., ed. *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer; 2020:613–633. doi:10.1007/978-3-319-54484-7_30
14. Elban M., Aslan S. The role of constructive patriotism in the relationship of basic human values and active citizenship for emerging adults in Türkiye. *BMC Psychology*. 2023;11. Accessed April 27, 2026. <https://link.springer.com/article/10.1186/s40359-023-01233-z>
15. Hemment J. *Youth Politics in Putin's Russia: Producing Patriots and Entrepreneurs*. Bloomington, IN: Indiana University Press; 2015. 277 p.
16. Kharitonov E.M., Popov M.Yu., Kasyanov V.V. The Structure of patriotism. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences*. 2023;(2):72–77. (In Russ.) doi:10.23672/SAE.2023.26.72.002
17. Liu Q., Hong X. Do Chinese preschool children love their motherland? Evidence from the game-based assessment. *Behavioral Sciences*. 2024;14. Accessed April 27, 2026. <https://www.mdpi.com/2076-328X/14/10/959>
18. Payne K.A., Adair J.K., Colegrove K.S., Lee S., Falkner A., McManus M., Sachdeva S. Reconceptualizing civic education for young children: recognizing embodied civic action. *Education, Citizenship and Social Justice*. 2020;15:35–46. doi:10.1177/1746197919858359

19. Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. Factors in the formation of patriotic values and attitudes in high school seniors (case study of Siberian Federal District). *Integracija obrazovanija = Integration of Education*. 2022;26(3):559–578. (In Russ.) doi:10.15507/1991-9468.108.026.202203.559-578
20. Buranok S.O. Civic identity and history: results of the all-Russian survey of schoolchildren. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2022;(2):272–287. (In Russ.) doi:10.32744/pse.2022.2.16
21. Wang F., Sanagustín-Fons V., Martínez-Quintana V. Red tourism and youth education: a systematic review of the literature. *Societies*. 2025;15(3). Accessed April 27, 2026. <https://www.mdpi.com/2075-4698/15/3/69>
22. Galimullina N.M., Vagaeva O.A. The introduction of the discipline “Fundamentals of Russian Statehood” into university curriculum: students’ attitude and teaching methods. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Koncept” = Scientific-methodological electronic journal “Concept”*. 2024;(4):235–250. (In Russ.) doi:10.24412/2304-120X-2024-11054
23. Parma R.V. Promoting the patriotic agenda on social media among Russian students. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2024;33(1):44–67. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
24. Druzhinina Yu.V., Kovtun E.A., Shirokova O.V. The concept of “patriotism” in a modern university: the content and possibilities of formation. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2023;2(142):95–103. (In Russ.) doi:10.22394/2070-8378-2023-25-2-95-103
25. Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Konstantinova L.V. Patriotic education in the era of change: perception and attitude of students of Moscow universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(5):49–66. (In Russ.) doi:10.31992/0869-3617-2025-34-5-49-66
26. Falcón-Linares C., González-Yubero S., Mauri-Medrano M., Cardoso-Moreno M.J. Impact of social media on adolescence: mapping emerging needs to build resilient skills. *Societies*. 2023;13(11):1–11. doi:10.3390/soc13110238
27. Petukhov V. V. Russian youth and its role in society transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;3:119–138. (In Russ.) doi:10.14515/monitoring.2020.3.1621
28. Alkatiri Z., Archellie R. National patriotic day parade: the politics of historical memory and reconstruction of the Russian identity during Putin era. *Cogent Arts & Humanities*. 2021;8. Accessed April 27, 2026. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311983.2021.1992081>
29. Simons G. The politics of collective memory and intergenerational transmission: Victory Day in Ural newspaper coverage. *Cogent Social Sciences*. 2023;9. Accessed April 27, 2026. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23311886.2023.2281051#d1e775>
30. Badaraev D.D., Vinokurova A.V., Nolev E.V. Memory of the Great Patriotic War in the Far East regions: commemorative practices of student youth. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2025;16(3):52–68. (In Russ.) doi:10.19181/vis.2025.16.3.3
31. Linchenko A., Golovashina O. “With Tears upon Our Eyes?”: commemorations of Victory Day in the Great Patriotic War in the school practice in the Soviet Union and Russia. *Journal of Social Science Education*. 2019;18(1):56–80. doi:10.4119/jsse-912
32. Beshkinskaya V.S., Miller A.I. The 75th anniversary of the victory of Russian memory politics. *Russia in Global Affairs*. 2020;18(3):200–232. doi:10.24216/978383820550
33. Blackburn M., Klimenko E.V. Introduction to the special issue on under communism’s shadow: the memory of the violent past in present-day Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. 2024;57(3):1–15. doi:10.1525/cpcs.2024.2332820
34. Fedotova N.G. Practices of urban commemoration: features of the city cultural memory formation. *Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie =*

- Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2020;39:130–143. (In Russ.) doi:10.17223/22220836/39/12
35. Johari M.H.Y. Development of patriotism among multiethnic youths at commemorative heroic site. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2021;11(9):321–335. doi:10.6007/IJARBS/v11-i9/10763
36. Knoll B.R. Assessing the effect of social desirability on nativism attitude responses. *Social Science Research*. 2013;42(6):1587–1598. doi:10.1016/j.ssresearch.2013.07.012
37. Sklyarova N.Yu., Litvinenko M.P., Lutsкая E.E., Belousova O.I. Patriotism and civic engagement in the perceptions of Russian youth: insights from a sociological analysis. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2025;27(10):124–159. (In Russ.) doi:10.17853/1994-5639-2025-10-124-159
38. Gulyaeva L.V., Yefimova G.Z. A comparative study of the patriotic attitudes of youth: regional specificity. *Siberian Socium*. 2018;2(1):53–73. (In Russ.) doi:10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73
39. Yatsevich O.E., Yudashkina V.V. Patriotism as a value guideline: analysis of empirical data of students of Industrial University of Tyumen. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2025;79(3):179–188. (In Russ.) doi:10.52452/18115942_2025_3_179
40. Selezneva A.V. Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes. *Nauchnyy rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):47–60. (In Russ.) doi:10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4
41. Bogatova O.A., Dadaeva T.M., Shumkova N.V. Student youth in the space of historical practices and narratives (regional dimension). *Integraciya obrazovaniya = Integration of Education*. 2024;28(1):98–110. (In Russ.) doi:10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110
42. Rozenberg N.V., Karpova M.K. Patriotic values of Russian youth: factors of transformation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(2):76–90. (In Russ.) doi:10.21685/2307-9525-2025-13-2-8
43. Pletnev M.G., Sotnikova A.M., Antonova N.A., Grishkina A.V. Patriotism as a value of Russian youth: theoretical aspects. *Upravlenie = Management (Russia)*. 2025;13(3):164–175. (In Russ.) doi:10.26425/2309-3633-2025-13-3-164-175

Информация об авторах:

Певная Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0000-0003-3591-1181. E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Городецкая Дарья Вячеславовна – аспирант, ассистент кафедры социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0009-0004-1774-3051. E-mail: d.v.minchenko@urfu.ru

Початкова Екатерина Ивановна – аспирант, ассистент кафедры социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация; ORCID 0009-0009-7571-5055. E-mail: e.i.pochatkova@urfu.ru

Джунушалиева Гульмира Дженишевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связи с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: dzun5gulmera@gmail.com

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в исследовательскую работу.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; поступила после рецензирования 17.07.2026; принята к публикации 05.08.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Maria V. Pevnaya – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0000-0003-3591-1181. E-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

Darya V. Gorodetskaya – PhD Student, Teaching Assistant, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0009-0004-1774-3051. E-mail: d.v.minchenko@urfu.ru

Ekaterina I. Pochatkova – PhD Student, Teaching Assistant, Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation; ORCID 0009-0009-7571-5055. E-mail: e.i.pochatkova@urfu.ru

Gulmira D. Dzhunushalieva – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: dzun5gulmera@gmail.com

Contribution of the authors. The authors contributed equally to this research.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 13.04.2026; revised 17.07.2026; accepted for publication 05.08.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.